

К КИПЛИНГУ

Север есть север, а юг — это юг,
и вместе им не сойтись.
Налей по третьей, случайный друг,
давай говорить за жизнь.

Анталья — тлен, да и Сочи — тлен,
какой это, к чёрту, юг?
Ведь ты джентльмен и я джентльмен,
что нам до чужих фелюг?

Послушай же, юг — это не курорт,
не красочный Зурбаган.
Смотри на зюйд и забудь про норд,
по курсу Аргун и Баграм.

По курсу Алеппо и Сомали,
Нигерия и Пенджаб.
Юг жёсток, коварен и темнолик...
Опять ты про этих баб.

Ты им Беранже, а они в парандже,
и толку? Да ну их на.
У нас с тобой здесь другой сюжет:
война и чья-то вина.

Мы белые люди — они черны,
а лучше сказать, темны.
И кто здесь исчадия Сатаны —
студенты иль чабаны?

Но мы идём огнём и мечом,
они нам в ответ джихад.
И между врачом или басмачом
нет разницы, в общем, брат.

Такой вот север, такой вот юг,
такая вот херота...
Ты что молчишь, будто мамелюк?
Давай ещё по полста.

Свой север без боя сдавать врагу
нельзя. А на юге жара...
Тебя как зовут-то? Ахмед? Угу.
Ну ладно, пойду. Пора.

БУМАЖКА

Подвернулся тут Шпаликов —

я и залип.
Утонченность ошпарила
переулков и лип,

взмахов крыльев художников,
бедных вполне,
забытья осторожного
в горькой вине.

И вино было горькое,
и дорога одна
да всё дальше под горку,
да до самого дна.

Простота в изложении,
невысокий мотив —
это в стихо творении
повод для инвектив.

Наплевать. Гена Шпаликов,
я бы выпил с тобой:
за конечность всех шкаликов,
ставших общей судьбой,

за кольцо за Садовое,
да за брошенных псов.
Жаль, что время кленовое
не даёт адресов,

как колода краплёная.
Да и кто я таков?..
На бумажку солёную
с носа капает кровь.

Умножение вычитанием:
там — ушедшие, здесь — оставленные.
И пустеет среда обитания
без минувших и новопреставленных.

Жил себе человек — и нету,
он теперь в другом измерении.
Кто-то в рай заполняет анкету,
кто-то вычеркнул силу трения,

от которой дымились угли
споров, ссор, разочарований.
Это в фильмах снимают дубли.
Здесь - единственное расставание.

И молись не молись за ушедших,
им уже до тебя не дела.
Им, хорошим, слегка сумасшедшим,
удалось шагнуть за пределы

прошлой силы твоей притяжения.
Вот и бродит в тебе бессилие:
без прощания, без прощения.
сором из дому невыносимое.

А во снах они вновь не скучные.
Подмигнут: "Как ты там, простейшее?" —
"Сами вы", - огрызнусь натужно...
Их всё больше, тебя всё меньше.

Вот птица пролетела — и ага.
Ей до земли, как мне до Гондураса,
где хороши и свежи ананасы
и где нага французская нога.

Я никогда не ездил на слоне
и не служил венецианским дожем.
Пусть это так, но всё же, всё же, всё же
я не скакал на розовом коне.

И не купал, раздевшись догола,
коня — он был дурного цвета.
За это даже дамы полусвета
мне пели гимн с названьем "Бричмулла"...

Стихосложение — это очень просто,
когда не чужд ты мировой культуре:
нарежь цитат, подвергни редактуре -
и вуаля... Чего молчишь-то, Постум?

И ВООБЩЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

По Е.А.Евтушенко

Нет, Галилей был, конечно, прагматиком
гордо сказав, что Земля таки вертится
после. Постфактум науки фанатика:
хочется верить, да только не верится.

Есть что-то мелкое в смелых открытиях —
сделанных, преданных, вновь утверждённых.
С вечера пива бутылка открытая
утром теряется среди охлаждённых,

стойких, под пробкой, слегка запотевших,
ждавших упорно момента и точности.
Пиво вчерашнее — для потерпевших:
тот же продукт, но с печатью порочности.

Пиво с утра — это... Ладно, проехали.
Мы ж о другом, о случайных предательствах,
ставших для многих стандартными вехами:
"Дети, старик, и вообще, обстоятельства.

Нет, ты пойми, я найду обязательно
время и случай исправить постыдное.
Веришь?" Конечно. Я столь же старательно
ставил вчера себе бактерицидное,

ровно такое же, совестеглодное,
чтоб никогда не вестись на прогиб судьбы,
после не мучась её производными...
Эх, Галилей, нам с тобою по пиву бы.

Облака. Может быть, в Абакан?
Может быть, в невесомое тёплое детство,
в потерявшее зрелость наследство
или проще - в стакан?
Ветерок и чудесное лето.
Тополя в невесомости пыли асфальта,
их корням не достигнуть базальта:
это просто анкета.
Перестань. И по жизни отстань, -
да не Галич, а сам по себе от себя же,
и от лета в приличном пейзаже.
Не стихи, а гортань.
Наплевать. Всё равно это есть
или было. Как страшная месть.

ПОБЕДА

Среди берёзок средней полосы,
где хорошо и весело стреляться,
сидели мы, всего числом двенадцать,
и теребили сивые усы.

Нас было мало, старых мужиков,
видавших и Старшинова, и Вяльбе.
На ветке хмурый и замёрзший зяблик
молчал. Вспорхнул — и был таков.

Звенел на речке стылый чистый лёд,
как Волга у подножья Сталинграда.
В Корею шла к концу Олимпиада,
где нашим перекрыли кислород.

Мы, докурив, взглянули на восток —
там битва шла за Родину в хоккее.
Семён сказал: "Пора бы жечь Икею."
Степан сказал: "Охолони, браток.

Не швед нам нынче враг". Синел сугроб.
Губерниев кричал, как в том гестапо.
И немчура протягивала лапы
к воротам Кошечкина, мать их в душу ёб.

Но не подвёл пхёнчханско-русский бог,
мы победили подлого германца.
Да в общем, всех проклятых басурманцев,
чей мир спортивный жалок и убог.

Мы спели гимн, обнявшись и кляня
попутно МОК и Родченкова-суку.
С Олимпиадой кончилась и мука,
что флаг наш не пустили в ебенья

корейские. Хоть Ана, правда, жаль...
У "фордов" зафурыкали моторы.
Назад неслись российские просторы,
и ждал уже футбольный мундиаль.

ЛИРИЧЕСКОЕ

Скоро апрель и фотоны шкодливые
палят чернеющий наст.
Скользкие лужи везут боязливо
утром по улицам нас,
переживших зиму. Проседание
снега и зимних надежд
лишь уточняет закон мироздания
смены сезонных одежд.
Тёплые шубы готовятся к вешалкам,
что в гардеробе-тюрьме.
В доме повешенных, в доме повешенных
не говорят о зиме.
Скоро тепло. На свободу отпущены
куртки и просто мечты,
в голову ранее недопущенные
в силу своей простоты.
Хочется верить в весеннее, яркое,
в новый судьбы поворот.

Грезятся "бентли", свобода, мадьярки...

Хуй тебе. Завтра пройдёт.

ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ

Если жопе приделать крылья
и пропеллер приделать к жопе,
то она все равно не сможет
улететь от брэнного тела.
Держит тело Икара-жопу,
надсмехается над порывом.
Потому что кишечник толстый
исторически связан с тонким.

СОНЕТИК №2

Тот день был весь невероятно шумным,
трамвай звенел, Фомич бросал гранаты.
И девушки, как старые солдаты,
бычки швыряли на пол некультурно.

Кричали галки, зинки, петухи,
и кот орал печально муэдзином,
мычала бессловесная скотина,
взяв на себя расплату за грехи

мои и прочих разных чудаков.
И истопталась пара башмаков,
и волкодавом лег на плечи век...

Но тут опять пришел казак Пьянков -
и гости, взвизгнув, ринулись в альков,
где саблей рубит мебель человек.

ПАМЯТИ ЮРКИ ШМИДТБЕРГЕРА

Зачистить место за собой,
оставить память.
Когда труба даёт отбой —
и не исправить.

Когда совсем уже близки
небес пределы,
и жизнь, зажатую в тиски,
не переделать.

Подряд из книжки номерной
набрать знакомых:
"Привет, а помнишь, той весной
сидели дома

и вдруг сорвались резко в лес...
Ага, отлично...
Нет, просто так. Скучаю, бес...
Да, на больничном...

Давай, конечно... Сам ты конь...
Пока, до встречи".
И знать, что впереди огонь,
но время лечит.

Напомнить парочку про всех
смешных историй.
Остаться тёплым насовсем —
и в крематорий.

АЛИСЕ ШЕР (Бессаме мучо)
"Где я, к херам? Это снова Германия?
Или опять занесло меня, блять,
в Люксембургский ваш сад?" —
"Нет, — отвечает де Сад. —
Это утречко раннее.
Слышишь, с платформы галдят,
что опять Ленинград".

ФАМИЛЬНОЕ

Писал Проханов бы про ханов —
глядишь, и был бы он вполне
вменяемым: хоть в жопу пьяным,
хоть голым в плясках при Луне.

Художник Глазунов глазами
когда б смотрел на этот мир,
то Сталина под образами
не читил. А просто б пил кефир.

Безрукову, возможно, Шивой
хотелось стать. Не суждено.
Но он и так лицом красиво
играл Высоцкого в кино.

А если пел бы Басков басом,
то даже я бы не назвал
его, простите, баритоном
и может руку б подавал.

Снимал бы Звягинцев про звяги —
всяк за него б поднял стакан.
Ведь звяги при чинах и шпаге,
и звягой был Левиафан.

А если был бы я поэтом,
то первым плюнул мне в лицо,
припомнил бы и то, и это,
и обозвал бы подлецом.

Этот час уже недалёк —
окончательный и последний.
Как легко быть двадцатилетним.
Как непросто тушить фитилёк.

Догорающая свеча:
света мало, копоти много.
Впереди в ухабах дорога,
позади чистый звук трубача.

Отыграла побудку медь,
отзвенело эхо валторны,
и тревожный звук непокорный
удаляет земную твердь

потихонечку, без суеты
от души, уходящей наружу.
Я покой её не нарушу,
путь проводят душу альти...

Но ещё бубнит барабан
и тарелки блямцают звонко.
И доносится смех ребёнка,
и так пуст поминальный стакан.

Догорай фитилёк, догорай.
Доиграй, доиграй оркестрик
эту ноту прощальной песни.
И по новой её сыграй.

ОТХОДНАЯ

Остающимся — удачи,
урожая чтоб на даче.
Пусть никто из вас не плачет
по ушедшему по мне.

Пусть хорошие погоды,
человеки, пароходы,
пиво, раки, культпоходы
будут ладными вполне.

Время, свистнув, пролетело,
и перроном опустелым
в невозвратные пределы
убегают наши дни.

Только рельсы, только шпалы,
только поезд запоздалый,
что везёт куда попало
(рифма просится "хуйни").

Ну и ладно, ну и хватит.
Скатертью дорога катит,
проводник в смешном халате
предлагает поздний чай.

Галки за окном вагона,
машинист с лицом Харона,
марш какой-то похоронный...
Все нормально. Не скучай.

ПЕСЕНКА №1

Ты проснёшься на рассвете
мордой в жёваной газете,
где бычки и сухари.
Как ужасен этот мир. Не смотри.
Но помаду ототри.

Ты не можешь не заметить
как в окно плюётся ветер.
Дождь. И все дрожит внутри.
Как желтеют фонари — не смотри.
Три разбитых, сука, рюмки. Ровно три.

Ты залезешь в холодильник,
с верою в скотомогильник,
что едою одарит.
Там вчерашний холодец. Блять, пиздец.
И ещё картошка фри.

Ты вдруг вспомнишь: было пиво.
Утро стать могло б красивым...
Хрен, допили колдыри,
говори - не говори. Упыри.
Съездить, что ли, в Солсбери?

СОНЕТИК №3

Не хватит никакого лексикона,
чтоб передать оттенок синевы

над первым снегом, где дорожек швы
протопаны глухим негромким стоном

потерянной невинности листа,
который лёг на землю чистой белой
поверхностью без текста и пробелов
и с чёткостью последнего бинта,

намотанного кем-то на конечность,
которая зовётся бесконечность
желания любить, грубить, убить,

а на бинте том красною строкою,
как пятна крови, буквы беспокоят,
чтобы себя бывшего оскорбить.

СОНЕТИК №4

Вы кончились, остался только след,
по линии пунктира уходящий
за горизонт. И вот совсем пропащий
сiju завёрнутый в большой шотландский плед.

Спиздел, как лось: Шотландия и я
ни в чём таком вообще несовместимы.
Да вы заедьте в наши палестины -
тут Бёрнсом и не пахнет нихуя.

А пахнет здесь еловою доской,
обычной среднерусскою тоской,
замешанной на дыме сигарет.

Трёхдневный не кончается запой,
и долбит мозг невнятную строкой:
"Ожог сквозь память, как глухой секрет".

ЗИГЗАГ

Занавескою тумана
укрывают речку горы.
Я уже приеду скоро —
без обмана, без обмана.

Будет солнечное утро,
пряный запах жёлтых листьев.
И синица тонко свистнет,
с северов вернувшись мудро.

Будет осень, будет славно,
будет лёд хрустеть по лужам.

Время нас с тобой закружит
самым главным, самым главным,

самым главным из итогов
предстоящего финала.
Позади ничтожно мало,
впереди безмерно много.

Важно лишь одно — сегодня.
Точка встречи биографий.
Материал для эпитафий
под усмешкою господней.

Всё конечно, даже рельсы
в отвороте тупиковом.
Мне цена один целковый,
сколь верёвочка не вейся.

Так сложилась цепь событий:
камень, ножницы, бумага,
неожиданность зигзага.
Еду дальше. Извините.

КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ
Охуительную пьесу
сочиняет драматург.
В ней герой ленив и весел,
если не трагичен вдруг.

Героиня — нахуй, стерва,
сериальная звезда,
явно свежести не первой,
и тупейшая. Вот да.

Драматург взглянул в окошко,
длинный присмолил бычок,
вдумчиво погладил кошку,
но рассеянность пресёк.

Значит, так. Она, паскуда,
вдруг ввязалась в диалог
главного героя с другом...
Побелить бы потолок

и обои переклеить...
Блядь, давай уже, твори!..
В общем, действие в аллее
происходит. Дрожь внутри

дворника сейчас пронзает.
Дворник — важный персонаж.
Он случайно много знает,
с Лёхи списанный типаж...

Лёха должен мне семь тысяч
вот уже четвёртый год.
Дворника бы надо высечь
на конюшне... Блядский рот,

какого хуя? Наше время, все дела.
В третьем акте от доцента
вон студентка родила...
Лучше, сука, на проценты

дворника поставить... Но
слишком много персонажей
в пьесе — пошное говно.
Нахуй лишние пассажи:

рэкетиры — прошлый век.
Ладно. Пусть страдает дворник,
он несчастный человек,
и монархии поборник.

Хуй с ним. Лучше у героя
пусть случится монолог:
"Мы прекрасный мир построим.
Я безумно одинок..."

Так-так-так. Вернулась муза.
"Я люблю тебя, Сергей!
Но мне больно быть обузой..."
Дворник? Дворник будет гей.

КИРИЛЛ ФОКИН (ПЕСЕНКА №2)
В отдалённом совхозе "Победа"
жил потрепаннный Фокин Кирилл.
Он в редакцию ездил к обеду,
он в районной газете служил.

После бани писал репортажи
о надоях и о полыньях.
В общем, был из обычных типажей
в наших тихих, простых ебнях.

Но однажды суровый редактор
приказал ему ехать в Москву.
Дал до станции старенький трактор,

и вопрос написал божеству —

ну, тому, что ответить готово
на любой с закавыкой вопрос
журналистов, чьё звонкое слово
повышает в стране опорос.

Так и так, мол: "Правитель родимый,
шлём привет из Больших Синяков.
Урожай из пшеницы озимой
мы отправили в город Тамбов.

Рапортуем. И как там ваш котик?"
Слово в слово велел передать...
И отъехал от станции Фокин,
и уже вон столицу видать.

И уже в зале для конференций
утолкался на стуле Кирилл.
Нездоровую, блядь, конкуренцию
у коллег на лице уловил.

Все с плакатами, сука, цветными
и у каждого есть диктофон.
И охранники, ликом смурные,
и усатый какой-то гондон

на трибуне командует прессой...
И пошёл за вопросом вопрос,
потянулась унылая пьеса,
там где главный герой Дед Мороз.

Фокин руку поднял неумело
и мгновенно он был поражён
острым взглядом усатого, смелым,
словно финским точёным ножом.

И поплыли невнятные лица,
и поплыл пред лицом микрофон:
"Значит эта, мы будем молиться,
за здоровый у котика сон.

Ну, у вашего". Аплодисменты.
Всё в тумане. Дорога домой.
Сени. Печь. Светлый лик президента.
Самогон. И верёвка тесьмой...

Спохватились о Фокине в среду,
из петли вынимали вразброд.
И лежал тихо под табуретом

журналистский с вопросом блокнот.

ПЕСНЯ СТАРОГО ДОКТОРА (ПЕСЕНКА №3)

Переведи меня через порез -
порез через сквозь фасции и жилы.
Порезом лечат энурез, мой милый.
Переведи меня через порез.

Переведи меня через парез -
это такой диагноз неприятный,
что, блядь, роди меня, мама, обратно,
но не води меня через парез.

Переведи меня через психоз.
Я не был там, но верю, что сумею
нырнуть туда, чтоб выйти здоровее,
и соблюсти пиковый интерес.

Переведи меня через стакан.
Он на полу лежит и манит, манит.
Потом пустым стеклом меня обманет.
Переведи. И хуй с ним, что обман.

Переведи меня ты на урду,
уж коль на хинди сложно и тревожно.
Я в Пакистан проникну осторожно
и там устрою новую Орду.

Переведи меня через свинью
или другое внятное животное.
Пусть буду я змею подколодную —
так и свинья не то чтоб Смок Белью.

Переведи... А впрочем, перестань
таскать меня туда-сюда обратно.
И без того я личность неприятная.
Отстань, Харон, прошу тебя, отстань.